

ТАМИРА И СЕЛИМ

Т р а г е д и я

Краткое изъяснение

В сей Трагедии изображается стихотворческим вымыслом позорная гибель гордаго Мамаю, Царя Татарскаго, о котором из Российской истории известно, что он, будучи побежден храбростию Московскаго Государя, Великаго Князя Дмитрия Иоанновича на Дону, убежал с четырьмя Князьми своими в Крым, в город Кафу, и там убит от своих. В дополнение сего представляется здесь, что в нашествие Мамаево на Россию Мумет, Царь Крымский, обещав дочь свою Тамиру в супружество Мамаю, послал сына своего Нарсима с некоторым числом войска на вспоможение оному. В его отсутствие Селим, Царевич Багдатский, по повелению отца своего перешед через Натолию, посадил войско на суда, чтобы очистить Черное море от Крымских морских разбойников, грабивших Багдатское купечество. Сие учинив, приступил под Кафу, в которой Мумет, будучи осажен и неимея довольных сил к сопротивлению, выпросил у Селима на некоторое время перемирия в том намерении, чтобы между тем дожидаться обратно с войском сына своего Нарсима. После сего перемирия в первый день следующее происходит в Кафе, знатнейшем приморском городе Крымском, в Царском доме.

Действующие лица

Мумет, Царь Крымский.
Мамай, Царь Татарский.
Тамира, Царевна Крымская, дочь Муметова.
Селим, Царевич Багдатский.
Нарсим, Царевич Крымский, брат Тамирин.
Надир, брат Муметов.
Заисин, Визир Муметов.
Клеона, мамка Тамирин.
Два вестника.
В о и н ы .

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Тамира и Клеона

Т а м и р а

Настал ужасной день, и солнце на восходе,
Кровавы пропустив сквозь пар густой лучи,
Дает печальной знак к военной непогоде;
Любезна тишина минула в сей ночи.
Отец мой воинству готовится к отпору
И на стенах стоять уже вчера велел.

Селим полки свои возвел на ближню гору,
Чтоб прямо устремить на город тучу стрел.
На гору, как орел всходя он возносился
Которой с высоты на агньца хочет пасть,
И быстрой конь под ним, как бурной вихрь, крутился,
Селимово казал проворство тем и власть.
Он ездил по полкам, пока тень мрачной ночи
Закрыла от меня поля, его и строй.
Потом, и томныя хотя сомкнулись очи,
Однако видела его перед собой;
Во снесли было то, или то было в яве,
Смущался мыслями сон, смущались мысли сном;
Селим казался мне великолепен в славе,
Таков осанкою, Клеона, и лицом,
Как в перемирны дни скакал перед стенами,
Искусством всех других и взором превышал
И стрелы, пущенны уже под облаками,
Направленными в след стрелами рассекал.

Клеона

Багдатско воинство умножилось без счота!
При восходе светлыя я видела луны,
Что мосты, и пути, и городски ворота
Противных силою везде осажены.
Ночно молчание боязнь усугубляло,
И слезы по лицу бледнеющих лились.

Тамира

Теперь сражение, конечно, уж настало;
Клеона, посмотри и скоро возвратись.

Явление второе

Тамира (одна)

О как смущен мой дух! Я знаю и заочно,
Селим противу стен стоит наперед.
Боюсь, чтоб кто его не ранил ненарочно
И не вонзил стрелы от нас в его груди!
Я, ей, не чаю быть такого кровопивца,
Ктоб с умыслу хотел направить лук в него!
О небо, отврати свирепаго убивца
И сокрушить не дай тем сердца моего!
Ах, что я делаю? Что в мысли я имею?
Я тем родителя и Бога прогневлю,
Что общаго врага отечеству жалею!
Никак Селимом я пленилась и люблю?
Однак и без любви емуль желать мне року?
Тот злою львицею в пустых горах рожден,
Кто, видя с младостью природу в нем високу,
К жалению по нем не будет побужден.
Что он противу нас вооружился в поле,
Сыновняя любовь и должности велят.

И как родительской не согласиться воле?
Отец его, отец, не он нам сопостат.
Он щастлив, что ему есть в старости замена.
Благополучна мать, что в свет произвела!
И ежесть есть сестра, то коль она блаженна,
Что с лет младенческих с ним купно возрасла!
Но коль родилась та на свет благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы с Селимом жить до смерти неразлучно!
О как волнуюсь я! Какая внутри борьба!
Теперь я признаю, что некотора сила ^а
Неосторожной дух уже взяла во власть
И сердце нежное к Селиму преклонила;
К нему я чувствую в себе любовну страсть!
Любовь меня влечет его смотреть на стены.
Куда? И как? Или на стрелы устремлюсь,
Что ныне против нас шумят, как град сгущенный?
Но я уязвлена и стрел уж не боюсь.
Ах, что терзаюсь я, безщастная, незная:
Селиму, может быть, в отечестве своем
Любима и любви залог взяла иная;
О чем крушуся я, нерассудя, о чем?
Суровая война, тобою учинилось,
Что тот противник наш, котораго люблю!
Однако, где бы мне видать его случилось?
Я время суетным мечтанием гублю.
Не лутчели просить от верных совету
И способов скоряй к отраде мне искать?
Однако ждатель могуль утешнаго ответу?
И как осмелюсь я Клеоне все сказать?

^а *Корр.*

Тепере вижу я, что некотора сила.

Явление третье

Тамира и Клеона

Клеона

Престань себя смущать, дражайшая Царевна.
Какия вижу я премены на лице!
Оставь боязнь: в сей час минет судьбина гневна;
Весь страх мне кажется при самом быть конце.

Тамира

Никак уж ворвались к нам в город сопостаты,
И превратился страх в отчаянну печаль?

Клеона

Теперь всходила я в высокия палаты
И на Багдатские полки смотрела в даль.

Тамира

Ты видела полки? Ты видела Селима?

Клеона

Я видела, что он отшел уже от стен
И, кажется, что прочь совсем идет от Крыма.
Неведомо какой причиной побужден;
Я чаю, утомясь, не хочет больше бою.

Тамира

Никак ему какой предатель изменил,
Или отец объят нечаянно войною
И требует себе его на помочь сил.
Я чаяла конца, и по паденьи мнимом,
Оплакав кровь граждан и стен оставший прах,
Мне будет следовать во узах за Селимом
И при Евфратских жить невольницей брегах.

Клеона

Тот ужас миновал: военные снаряды
Противники, всходя на корабли, несут,
Кафа избавилась от грозных осады.
Что слезы по лицу, дражайшая, текут?
Никак от радости? Однако воздыханья
И твой прискорбной взор иное кажут мне.
Или ужасныя и грозныя мечтанья
Обеспокоили младую мысль во сне?
Или враги в ночном призраке победили?
Никак представилось падение сих стен?
Что Крымски города и села пусты были,
Что Царь и дом его был взят в поносной плен?

Тамира

Ах, естлиб то был сон, тоб с мраком разрушился!
Однако бы и сон такой меня пленил!

Клеона

Или твой нежной дух любовью уязвился?
Но ктоже бы тебя в любовь нынъ уловил?
Скажи, Царевна, мне, или тому быть можно,
Чтоб тайны мне твоей не должно было знать?

Тамира

Что хочешь слышать ты, то странно и безбожно,
Нигде не слыхано и у'жасно сказать!

Клеона

Для сих ослабших рук, которыми носила

Тебя в младенчестве, смущенье отложи
И, вспомнив, как тебе я искренне служила,
Необинуясь, мне тоску свою скажи.
Чем долее она в закрытии таится,
Тем дух терзается сильнее от нея;
Но если объявишь, то может утолиться
Иль быть умеренна потом печаль твоя.

Тамира

Любезная моя и верная Клеона,
Коль тяжело мучусь я!

Клеона

О небо!

Тамира

Ах, Селим!

Противница отцу, преступница закона!
Врагом отечества и, может быть, своим...

Клеона

О Боже мой! Никак ты тайно согласилась
И хочешь для любви отечество предать!

Тамира

То небо отврати! Довольно, что прельстилась;
Преступно и любви противничей желать.
Я бодрость и лице, Клеона, представляя,
Горю, и пламень мой гашением растет.
Не знаю, что начать! Скажи мне, дорогая,
Что делать мне теперь, когда он прочь идет?
Уже все мысли с ним на берег обратились;
Я с ним, я с ним среди морских валов плыву,
И горы крымския от нас из виду скрылись.
Какой объемлет хлад и мрак мою главу!
Уедет, о моей любви неизвестен,
И слез моих себе не будет представлять!
За тем ли ты, Селим, казался мне прелестен,
Чтоб вечно по тебе без пользы вздыхать?

Клеона

Царевна, ты тоску напрасно умножаешь.
Последуй моему совету и забудь
Пусты мечтания, чем мысль отягощаешь,
И кровь кипящую к спокойствию принудь.
Селим, я слышала, о нежности не знает,
Он в поле только жить и на стану привык,
За полное свое блаженство почитает,
Когда оружейной треск и в войске слышит крик.
Как стены падают и города дымятся,

Когда мечи блестя, течет по копьям кровь.
Ты сердцу дай покой и полно сокрушаться:
Не могут вместе быть свирепство и любовь.

Тамира

За ним бы следовать ни горы мне высоки,
Ни конским топотом смущенный в поле прах,
Ни копья, ни мечи, ниже кровавы токи,
Ниже какой иной не возбранил бы страх.
Любовию горят нередко и Герои,
От ней избавиться не можно никому.
Кому любезнее сражения и бои
И жить всегда в шатрах, как брату моему?
Однако ныне он, последуя Мамаю,⁶
Хотя в Российской край пошел вооружен,
Но мысли все свои, Клеона, верно знаю,

⁶ *Корр.*

Однако он теперь, последуя Мамаю.

Все мысли клонит к той, которой уязвлен.
Возлюбленный мой брат! Когдаб ты здесь был ныне.
То яб в отчаяньи толиком не была,
Ты сделал бы конец жестокой сей судьбине
Илиб не допустил сего в начале зла.
Ты дал бы способ мне увидеться с Селимом
Или бы к сим ево не допустил стенам,
И я бы не была в мученьи нестерпимом,
Не показав такой приятности очам.
Теперь послушен ты неистовому зверю,
В котором варварство и гордость мне гнусна;
Кичливому ни в чем Мамаю я не верю,
Ему вселенная к владению тесна.
Подумав о своем возлюбленном Нарсимае,
Боюсь, чтоб не постиг такой его конец,
Что плачь бы произвел и нестроенье в Крыме.

Клеона

Царевна, вот идет дражайший твой отец.

Явление четвертое

Мумет, Тамира и Клеона

Мумет

Прошла военная гроза и неустройство,
Желанной мир настал, возлюбленная дочь,
И утверждается надежное спокойство:
В союз со мной вступив, Селим отходит прочь.
Поставленный сей мир мне больше тем приятен,
Что выгоды он мне нечаянны принес.

Сначала случай сей едва мне был понятен,
Что радость нам пришла внезапно вместо слез.
Однако ныне я причину вижу ясно,
За чем спешит в союз со мной вступить Селим:
Ему прибытие Нарсимова ужасно,
Что скоро с воинством назад придет моим.
К Селиму, как ко мне, конечно, уповаю,
Пришла мне радостна, ему печальна весть,
Что Росская страна подверглась вся Мамаю
И сын мой поспешит полки сюда привести.
Сегодня, лишь зоря нам свет предвозвестила,
С поспешностью гонец прибеж с Донских полей
И весть принес, что вся Ордынска к бою сила
Противу Россов шла и Россы против ней.
Но Ольг, Резанский Князь, и Князь Олгерд Литовский
Свои к Мамаевым поставили полки,
И с малым воинством Димитрий, Князь Московский,
Противу стать дерзнул, оставшись близ реки.
Как буря шумная, поднявшись после зною,
С свирепой яростью в зажженный дует лес,
Дым, пепел, пламень, жар восхитив за собою
И в вихрь крутой завив, возносит до небес,
И нивы на полях окрестных поядает,
И села, и круг них растущие плоды;
Надежды селянин лишившись оставляет
Ревущему огню вселетные труды,
Подобно так Мамай единым вдруг ударом
Против Димитрия Ордам лететь велел
И, в мужестве стремясь на полк противный яром.
Скакал с мечем своим чрез бледны кучи тел.
Российския в крови повержены знамена,
И Князь Московский был отвсюду окружен,
И сила войск его слабела утесненна:
Сомненья нет, что он Мамаем побежден.

Тамира

Мне равно, как тебе, родитель мой, приятно,
Что радостная весть пришла в спасенный град,
Однако будет мне утешнее стократно,
Когда приедет здрав возлюбленный мой брат
Ах, небо, помоги желаннаго достигнуть
И поспеши к концу намерений моих!

Мумет

Я к большей радости могу тебя подвигнуть.
Возлюбленная дочь: Мамай тебе жених.

Тамира

Мамай! О боже мой!

Мумет

Востока обладатель
И победитель всех полных нынче стран,
Союзник искренней и верной мне приятель
Судьбой и мной тебе в супружество избран.
Имея многие под областью народы,
Тамира, будет он тобою жить пленен
И станет оной плен дороже чтить свободы,
Хотя ему восток и север покорен.
Возлюбленная дочь, что очи потупляешь?
Я стыд девической в тебе весьма хвалю,
И что вздыхаючи ты брата ожидаешь,
Природную к нему любовь твою люблю;
Однако ныне ты похвальную стыдливость
И мысли смутные о брате отложи
И, на отеческу смотря нетерпеливость,
Согласна ли, ты мне немедленно скажи,

Тамира

Что я с младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешь сам;
Своею почитать не отрицаюсь долю,
Которую мне дать угодно небесам.
Однако рассуди мои младые лета
И в возраст мне притти в дому твоём позволь.
Я буду почитать, что я живу вне света,
Как естли без тебя я буду жить средь поль!
И как подумать мне, что я мила Мамаю?
И как могу сказать, что бы он мне был мил,
Когда лица ево и нравов я не знаю?
И как ево мой взор заочно бы пленил?

Мумет

Оставь о сем ты мне, Тамира, попеченье
И верь, что будет толь меж вас крепка любовь,
Что лишь твоё со мной минует разлученье,
То будет к одному кипеть Мамаю кровь.
Ты долженствует мой в востоке род восставить
И дружбу чрез родство с Мамаем утвердить,
Умножить нашу мочь и с ним себя прославить;
Мне польза, честь тебе велит ево любить.

Явление пятое

Тамира и Клеона

Тамира

Война и мир против моей любви воюет!
Противилась моим желаниям война,
Но ныне, Клеона, мир свирепее враждует:
Меня сильная бурь колеблет тишина!
Сугубым бременем за что отягощаюсь?
В супружество дают тому, кто мне постыл!

Довольноль, что того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мне казни выше сил!
Когдаб еще война поныне продолжалась,
То мучил бы меня один лишь только страх.
Мне лучше, естлиб я Селиму в плен досталась,
Как славно царствовать в Мамаевых странах.
Ах, естлиб было то, и я бы верно знала,
Что равным пламенем Селим ко мне горит,
То, слез поток пролив, отцу бы все сказала,
Что дух мой и язык с тобою говорит.
Он, видя искренность, на плачь бы преклонился
И нашу, может быть, любовь бы утвердил.
Илиб и мой живот с надеждой прекратился
В спокойстве, что уже Селим меня любил.
Но ныне ненависть в одну страну склоняет,
В другу отчаянье несчастную влечет.
Как на море корабль то буря похищает.
То вод стремление против нея несет,
Так я, противными страстями вдруг борима,
Нечая одолеть, должна против стоять.
Отчаявшись иметь в супружестве Селима,
Отчаявшись любить Мамаю, что начать?

Клеона

Ах, лутче то избрать, что подлинно известно;
Как онаго желать, чему не можно быть.
Хотя Селимово лице тебе прелестно,
Но, праву следуя, старайся позабыть.

Тамира

Довольно бы того, что права и законы
Во обуздании любовну страсть крепят;
Довольно от стыда любовникам препоны,
Когда взаимной жар друг в друге знать хотят.
Но развращенной век насильства умножает;
Отеческа гроза, богатство, род и честь
Коль многих в вечное несчастье погружает
Любви желающих достатки предпочесть.
Какая польза в том, что златом испещренный
И камнем драгим в глазах блестит чертог,
Когда мой будет дух, от оных отвращенный,
К тому всегда вперен, чего иметь не мог.
Дабы на мало лет восстановить союзы,
Родители дают свою залогом кровь,
На детские сердца кладут несносны узы.
В какой неволе ты, дражайшая любовь!
Я вам завидую, которы отдаленно
От гордых сих палат живете в тишине
У вас веселие равно и непременно,
И прямо щастливы лишь только вы одне;
У вас, вольна от уз, живет любовь святая,
У вас не для отцов, но любят для себя,
Союзов никаких, ни выгод несчитая,

Но склонность лишь своих сердец употребля.
Коль счастлива былаб, коль счастлива Тамира,
Когдаб с ней был Селим в одном лугу пастух:
Не злато, не венцы, не Царская порфира,
Но вернаяб любовь соединила двух.

Клеона

Одно тебе еще прибежище осталось.
Ты дяде мысль сию, Царевна, объяви;
Спеши, пойдем, пока совсем не основалось
Супружество, твоей противное любви.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Селим и Надир

Надир

Мне радостен сей мир, но, на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселие в себе.
Таков его был взор и бодрость в нем такая,
И именем и всем подобен был тебе,
Селим которого любовь и добродетель
К Нарсиму и ко мне коль искренна была,
Тому прекрасный брег Геонских вод свидетель.

Селим

Седины вижу те и те черты чела!
Теперь мне небеса надежду укрепляют!
Возлюбленный Надир, тебя здесь вижу я,
Котораго понынь места воспоминают,
Где праведна еще цветет хвала твоя,
Хотя и никому твой Царской род незнаем,
Которой и друзьям твоим был потаен.
Но где твой сын, мой друг?

Надир

На брань пошел с Мамаем.
Однако он Царем, не мной на свет рожден.
Родившись от одной с Муметом я утробы
Нарсима сыном звал, он звал меня отцом;
И, не хотя, как ты, открыть своей особы,
Высочество таил в названии простом.

Селим

О щедрая судьба! Нарсим! Он брат Тамире!

Приятель искренней! Когда бы здесь он был,
То, может быть, при сем возобновленном мире
В желании моем мне промысл споспешил.

Надир

Его обратно Царь всечасно ожидает.

Селим

Однако и твоя поможет мне приязнь.
Позволь мне объявить, чего мой дух желает;
Узнаешь нынешних от прежних мыслей разнь.
Тебе все склонности и жизнь моя известна:
Как был я в Индии с Нарсимом и с тобой,
Бывалась красота очам моим прелестна?
Бывал ли нарушен любовью мой покой?
Всегда исполнен тем, что мудрые * Брамины
С младенчества в моей оставили крови:
Напасти презирать, без страху ждать кончины,
Иметь недвижим дух и бегать от любви.
Я больше, как рабов, имел себя во власти.
Мой нрав был завсегда уму поработен,
Преодоленны я имел под игом страсти
И мраку их не знал, наукой просвещен.
Других волнения смотрел всегда со берегу,
Но нын под общей я подвержен стал закон
И, мыслей быстрога здержать несилен бегу,
Я им последую и отдаюсь в полон.
Не ради слабых сил оставил я осаду
Любовь исторгнула из рук военных мечь;
Тамира не полки была защита граду,
Она мне шлем с главы, броню сложила с плечь.

*Индийские философы

Надир

Что слышу я? И как?

Селим

Сквозь самы тверды стены,
Меж копей, меж щитов любви свободен путь.
Я в перемирны дни на град сей утесненный,
Приближавшись ко рву, едва успел взглянуть.
Прекрасны очи грудь пронзили из бойницы.
Смущен и изумлен спросил, как ехал прочь;
Мне пленник объявил, что смотрят тут девицы
И что Муметова в середине оных дочь.
С того часа война в крови моей восстала;
Я, вам спокойство дав, с собою брань имел:
Любовь поставить мир, честь к бою побуждала.
Вчера любовну страсть мой разум одолел.
Я в руки принял мечь, но сердце вопияло:

«Селим, на толи ты дерзаешь устремлен,
Чтоб око нежное на кровь граждан взирало.
Которое меня в приятной взяло плен,
И чтоб в слезах лице Тамирино прекрасно
От падающих стен покрыл згущенный прах»?
Я сим движениям противился напрасно
И удержать не мог оружия в руках.
Дражайший мой Надир, познав причину мира
И дружбу вспомнянув, потщись мне пособить.
Царю напомним, что может лиш Тамира
Триумф мой и сих стен мне целость заплатить.

Надир

Твои заслуги мзды толикыя достойны,
Достойны качества и славный Царский род;
Ты мысли между тем имей, Селим, спокойны,
Когда твой объявлю Царю сюда приход.

Явление второе

Тамира, Селим и Клеона

Тамира

Отраду, может быть, в моей печали крайней
Второй мне даст отец... Кого я вижу здесь?
Клеона, ах! Куда?

Клеона

О случай невзначайной!

Селим

О радостной восторг! Я цепенею весь!
Драгая, не мятись сим взором необычным,
Но слуху своего глас слезный удостой
И красоте твоей воззрением приличным
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хотя учтивость мне и скромность возбраняет
Предерзостную мысль нечаянно открыть,
Но время краткое отнюд не позволяет,
И сердце не дает движения таить.
(Становится на колена.)
Ты видишь пред собой, прекрасная Царевна,
Тобой плененного презрителя любви;
Тобой мне будет жизнь блаженна иль плачевна.
Коль хочешь оживи, коль хочеш умертви.

Тамира

Каким смущаюсь я внезапно разговором!
Тебя, Селим, тебя могу я умертвить?
Коль странна речь!

(Поднимает его.)

Селим

Твоим пронзенно сердце взором
Бунтующей душе велит твоею быть.
Вотще против тебя, против себя воюю:
У стен, в полках, в полях твою сретаю тень,
И в трубный шум твое я в мысли имя чую,
Тебя мне мрак ночной и ясность кажет в день.
Приятностей твоих везде мне блеск сияет;
Тобой исполнен я и в яве, и во сне.
Недвижимый мой дух и крепость оставляет,
Я больше уж себя не нахожу во мне.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Поверь, что мой живот в любезной сей руке.

Тамира

Какое дать могу тебе я облегченье,
В лютейшей будучи погружена тоске?

Селим

Дражайшая, какой свирепости возможно
Тебе малейшую противность учинить?
Какое сердце есть на свете толь безбожно,
Которое тебя дерзает оскорбить?
Тебя, пред кою жар бранный погасает
И падают из рук и копья, и щиты,
Геройских мыслей бег насильный утихает,
Удержан силою толикой красоты!
Но естли ты меня, драгая, удостоишь
Причину твоего смущения узнать,
То свой ты через то и мой дух успокоишь:
Во всем любовь моя возможет помощь дать.
На все любовь моя готова устремиться,
Готова все беды и смерть в ничто вменить,
Лишь толькобы твоей отрадой веселиться
И чтоб любовь твою взаимно заслужить.

Тамира

Ах, тщетны все слова! Напрасны обещанья!
Гонимой от своих поможет ли чужой?
Одне остались мне со плачем воздыханья;
Не множь их и себя от глаз моих укрой.
Меня судьба зовет и должность понуждает
Оставить здешний град и в дальний край спешить;
Престань того желать, что небо запрещает;
Так промысл положил, и нельзя пременить.

Селим

Поспешно твоему отшествию иль косно,
Чрез море должно быть или пространством поль,

То, ежели тебе мое присудство сносно,
Дражайшая, себе последовать позволь.
И удостой меня взирать слезящим оком
На знаки нежные возлюбленных следов.
Но ежели недано тебе предела роком,
Где должно странствовать, оставя дом отцов.
Последуй мне в луга Багдатския прекрасны,
Где в сретенье тебе Евфрат прольет себя,
Где вешние всегда господствуют дни ясны,
Приятность воздуха достойная тебя.
Царицу воспринять великую стекаясь,
Богинею почтит чудящийся народ,
И красоте твоей родитель удивляясь
Превыше всех торжеств поставит твой приход.

Тамира

Хотя таких, Селим, даров не презираю,
Но выше в них твоим достоинством цена.
Ах, что прельщаюсь тем, чья быть не уповаю?
Как сердце я отдам, в котором не вольна?
Велика держит внутри мой робной голос сила,
Но большая тоя от сердца гонит вон!
Когда против твоей я воли возлюбила,
О небо! то скончай ударом громным стон!
Уж долее таить мой дух не позволяет,
И толь великих бурь не может грудь вместить.
Селим, любовь моя равно к тебе пылает,
Которую судьба стремится погасить.
Отеческая власть, желаньям противна,
Иному отдаст тобою полну грудь,
И с коим жизнь моя былабы неразрывна,
Едва я на того дерзаю и взглянуть.

Селим

О радостныя вдруг минуты и плачевны!
Я вознесен до звезд и в бездну погружен!
На что соединил сердца, о промысл гневный,
Когда союз их в век тобой не утвержден?
Но ныне о твоей любви я уверен;⁶
Дражайшая, против судьбы вооружусь.
Мой дух так напряжен, коль пламень мой безмерен;
Умру или с тобой в триумфе возвращусь.

Тамира

Я сердце уж тебе, любезный, поручаю
И верность данную пребуду век храня.
К неистовому я не преклонюсь Мамаю.
Пусть весь свет победит, не победит меня.

⁶ Рук.

Но я твоею ныне любовию уверен.

Явление третье

Селим (один)

Мамай! Тиранн во плен толику добродетель,
Чудовище влечет толику красоту?
О солнце, ты сего можешь быть свидетель
И света не лишишь такую срамоту!
Я коль великим то и славным почитаю,
Чтоб век Тамириной любовью гореть,
Толь, напротив того, позорно быть вменяю
Такого Варвара соперником иметь.

Явление четвертое

Мумет, Селим, Надир и Заисан

Селим

Спокойством пользуясь я ныне безопасным
Тебя пришел почтить и видеть, Государь,
И договором мир возобновить согласным,^г
К чему мне дал всю власть меня родивший Царь.
По воле я его Таврийскую вершину
Прешел^д и воинством наполнил корабли,
От страху свободил Евксинскую пучину,
Что ваши подданны разбоем навели.
Отмстив купечества грабеж, я мир дал граду,
Имея гром в руке, ударить не хотел:

^г Рук.

<И мир чем утвердить святым и безопасным >
И договором мир возобновить согласным.

^д Рук. первоначальное Прешед переправлено на Пришел.

За дом, за Крым, за жизнь желанну дай награду,
Которой я свою победу предпочел.^е

Мумет

Причину твой отец имел вооружиться,
Какую завсегда к войне легко сыскать.^ж
Котора может власть на свете похвалиться,
Чтоб так всех подданных могла она держать,
Как мирны требуют от оных договоры,
И многиб тысячи имели мысль одну?
И кто угодит тем, что, будтоб, рушить ссоры^з
Наносят для хвалы неправедну войну?
Хоть наша жизнь кратка и оныя прибавить
Чрез храбрыя дела Героям дом велит,
Но меру праведну желаниям поставить,
В том больше похвала чрез целой свет гремит.

^е Рук. вместо стихов 529-532

Отмстив своих купцов грабеж, я мир дал граду,

Имея гром в руках, ударить не хотел.

За дом за Крым, за жизнь < достойну > желанну

дай награду,

Которой я { свою победу
предпочел
| свои трофеи

^ж Рук.

Какую <завсегда> < сильному > завсегда к войне
легко сыскать

^з Рук.

< Чтоб > И многоб тысячи имели мысль одну?

< Нередко дух молодой под видом рушить ссоры >

< Я знаю иногда, Селим, ты знаешь что >

< Наносят для хвалы несправедно войну >

Но кто угодит тем, что будто рушит ссоры.

Тебе довольно быть, Селим, я уповаю,

Когда повинным казнь достойну наложу. ^и

Селим

Спокойство утвердив, я больше не желаю,

Но токмо дружество взаимно предложу.

На светлое лице взирая, восхищаюсь, ^и

Что в оном начертан любезный мой Нарсим

И та, которою пылаю и терзаюсь,

Пленяет красота воззрением твоим.

Союза нашего залог, и совершенство,

И вечная печать быть может дочь твоя. ^к

Тамира даст одна и сохранит блаженство,

Котораго во век лишуся без нея.

Как естли данный мир земли твоей полезен, ^л

За тое надлежит воздать моей любви.

И буде, Государь, твой сын тебе любезен, ^м

То друга ты его себе усынови.

Мумет

Что сын мой друг тебе, то мне весьма приятно.

Он так же, как и я, за щастие почтет,

^и Рук. вместо стихов 544-546

В том < вящей похвалой > больше похвала < что в вечности >

< военный > < в подсолнечной > чрез целой свет гремит.

Тебе удовлетворить, Селим, я уповаю,

Когда за дерзость я повинных накажу.

^и Рук.

На светлое лице < смотря я > взирая, восхищаюсь.

^к Рук.

И вечная печать < нам будет > быть может дочь твоя.

^л Рук.

< Что обновленный > Как естли данный мир земли

твоей полезен.

^м Рук.

И <естьли> буде, Государь, твой сын тебе любезен.

Что, в город сей пришел с победою обратно,
Тебя союзником, а не врагом найдет.
При нем нам небеса помогут все устроить,
Его к отраде я по вся минуты жду.^н

Селим ^о

Надеясь чрез него я сердце успокоить,
На Понтски берега с веселием пойду
И прежде дружного потщусь сюда приходу
Все воинство свое на корабли вместить.

Явление пятое

Мумет, Надир и Заисан

Мумет

Взирая на любовь, особу и породу,
Не в силе мыслей я своих соединить.^н
Приметив ненависть Нарсимову к Мамаю.
Союз к супружеству с Тамирою таил.^п

^н Рук. вместо стихов 565-566

Но прежде не могу Нарсимова приходу
Толь важнаго с тобой союза утвердить.

^о Заключительная реплика Селима (стихи 567-570) в Рук.
отсутствуют.

^н Рук.

Не в силе мыслей <не могу> я своих соединить.

^п Рук. вместо стихов 573-574

<< Я знаю >> Приметив ненависть Нарсимову к Мамаю,
Союз к супружеству <<перед ним поныне>> с Тамирою
я скрыл.

Но ныне большия << теперь >> препятствия сретаю:

Нарсим Селиму друг, Нарсим Селиму друг >>.

Приметив ненависть Нарсимову к Мамаю,

Союз к супружеству с Тамирою <я крыл> таил.

Но ныне большия препятствия сретаю:

Нарсим Селиму друг, а ей Мамай постыл.

Не должно царское Царю быть слово ложно,

Но как я кровь свою тиранствовать могу?

Заисан

Того уж, Государь, переменить не можно:

Кто другом был, тому открыто все врагу.

Когда кто сильному что должен отрицает,^с

Тот будет принужден что и не должен дать,

И долг к отечеству Царям повелевает
Блаженство онаго родству предпочитать.
Помысли, Государь, коль будет дерзновенно
Вооруженнаго Мамаю раздражить [†]
И коль полезно вам, похвально, несравненно
Владение таким союзом укрепить. ^у

Надир ^ф

Что меру превзошло, стоит над стремниною,
Чтоб гордости пример паденьем звучным дать.
Безумна власть падет своею тяготою;
Что срамно приобрести, срамнее потерять.
Видал я быстрья уже иссохши реки,
Засыпанны песком, что рвали с берегов.
Так царства, что цвели во славе многи веки,
Упали тягостью поверженных врагов.

^с Рук.

<Кто хочет > Когда кто сильному, что должен, отрицает.

[†] Рук.

Вооруженнаго Мамаю прогневить.

^у Рук.

<Толь сильны> <Отечество> Владение таким союзом
укрепить

^ф Рук. на полях приписка Заисан. Кого царь ненавидит на войну
посылает, чтоб буянством своим погиб.

Нарочно Бог во тме грядущее скрывает,
Чтоб смертных гордые советы разорить.
Мамай поля свои людьми опустошает,
Дабы их трупами Российский край покрыть.
Насильна власть стоять не может долговечно.
Кто гонит одного, тот всякому грозит.
Россию ^х варварство его бесчеловечно
Из многих областей в одну совокупит. ^и
На плачь, на шум, на дым со всех сторон стекутся,
Рассыпанных враждой зберет последний страх.
Какою силою в единстве облекутся,
Владимир нам пример и храбрый Мономах. ^и
Сей, вредные своей земли отметив набег
Лавровым верьх венцем и Царским увенчал,
А оный, здешние покрыв полками бреги,
Супругу в сих стенах и веру восприял.

Заисан

Мамаю следует везде с победой слава;
Он с нею к нам спешит, Россией овладев.
Великостию сил военны мерят права
Великие Цари и областию гнев. ^и

Надир

Великодушный лев жар тотчас утоляет,^ш
Коль скоро видит он, что враг его лежит,

^х Рук. первоначальное Россиян переправлено на Россию

^ч Рук.

Из многих областей в одну соединит.

^ч Рук.

Владимир нам пример и <правнук> храбрый Мономах.

^ш Рук.

Ордынские цари и областию гнев.

^ш Рук.

Великодушный лев < здесь жар > жар тотчас утоляет.

Но хищной волк пота противника терзает,^б

Пока последняя в нем кровь еще кипит.

Явление шестое

Вестник и прежние

Вестник

С придонских, Государь, полей я от Нарсима
К тебе приятну несу поспешно весть,
Что к радости твоей и к утешенью Крыма
Велику заслужил он храбростию честь.
Побитых кровию Непрядвы ток згустился,
И грабят росской стан Херсонские полки,
И, ранами покрыт, от бою уклонился
Димитрий, бегая Нарсимовой руки.
Одно нещастие Мамаю сокрушает,
Что сильный Челубей пронзен в крови лежит,
Лежит и поля часть велику покрывает!
Но, нам ^ш последуя, победа уж гремит.
Оставшим Россам путь пресечен к бегу Доном
Или в бою падут, или дадутся в плен.
Мамаю малым толь людей своих уроном
Пространный север весь под область покорен.

Мумет

Мамаю небеса Тамиру поручают,
И слово данное сама судьба крепит.
Хоть нравы разные с Нарсимом разделяют.
Но обще щастье их в любовь соединит.
Ты, верный Заисан, и ты, мой брат любезный,

^б Рук.

Но < подлой > хищной волк пота противника терзает

^ш Рук. далее два зачеркнутых слова нрзб.

Подумав меж собой, придите в мой чертог
Союзы утвердить и дать совет полезный,
Дабы доволен быть Селим отказом мог.^б

Конец второму действию

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ ³

Явление первое

Мамай (один)

Еще великий страх меня не оставляет!
Еще я слышу крик врагов, гонящих в след,¹⁰
И бледных лиц меня мечтание смущает!
Здесь с паром кровь из мурз рассеченных течет.
Здесь тень Нарсимова, последуя за мною,
Уже в глазах моих отмщением грозит!
Крепись, мой дух, крепись, беду скрывай бедою^а
И в горести кажи на мне Геройской вид.
От Россов побежден, хотя я ужасаюсь
В отечестве свой стыд и слабость показать,
Но, с войском погубив Нарсима, утешаюсь,
Что не остался, ктоб здесь мог о том сказать.
Мамай, ты будь себе и в пагубе подобен,
Мумета ложною победою уверь.
На деле испытай, коль к умыслам способен,
И ков составленной напастью ныне мерь.

^b Рук. последнее четверостишие отсутствует.

³ Рук. сбоку на полях приписано Начат 20 сентября после обеда.

¹⁰ Рук, на полях приписано и зачеркнуто

И во орду притти мне нельзя,
И [?] здесь возвестить некому: все убиты.

^а Рук.

Крепись, мой дух, <крепись потщись беду покрыть бедою >
крепись, беду скрывай бедою.

Тамиру дав в жену, мне даст Мумет и войско.^а
Я орды, по степям рассыпанны, зберу;
Искусство покажу коварством сим Геройско,
Внезапно набежав, Москву в ногах попру.
На плачь там пременю я торжество спокойно
И покажу врагам, каков мой гнев и власть.
В конец отчаяться Мамайа недостойно;
Безумно, всех путей неиспытав, пропасть.

Явление второе

Мамай, Мумет, Надир и Заисан

Мумет

Какое щастие мне небо посылает,
Великий Государь, пришествием твоим!
Нечаянной твой взор тем больше восхищает,
Чем больше нужен он смятениям моим.

Я радуюсь твоей победе, в свете звучной,
И скорому дивлюсь приезду твоему.

Мамай

Не может торжества Мамай благополучной
Себе к веселию оставить одному,
Но хочет онаго иметь и ту причастну,
Которую к сему блаженству ты родил.
Имея всю страну Российскую подвластну,
Я радость сообщить из уст своих спешил.
Сугубым торжеством украсить ускоряю ^б
И славою мой въезд в великую орду.

^а Рук. вместо стихов 660-661

И ков составленной < бедою ныне > напастью ныне мерь.
< Скажи > Тамиру дав в жену, мне даст Мумет и войско.

^б Рук.

Сугубым торжеством украсить < поспешаю > ускоряю.

Но славнее я быть Тамирою желаю, ^в
Как тем, что Дмитрия в оковах приведу.
Уже все воинство со плеском ожидает ^г
С прекрасною меня Царицею к себе.

Мумет

Победа мужество Геройское венчает,
Любовь и дружество Тамиру даст тебе.
Нарсим, помощник твой, в сем граде вожделенный,
Украсит брачный день, со славой возвратясь, ^д
И храбрым воинством Херсонским окруженный...

Мамай ^е

Он ныне, на полях Российских веселясь,
Сокровища себе с побитых собирает,
С которыми тогда обратно придет в дом,
Как данным от меня он краем завладеет,
Лугами тучными меж Доном и Днепром.

Заисан

О щастливой успех! О коль места прекрасны!
(К Надиру)
Не мне ли в честь конец прияла наша прях?

^б Рук.

Но < больше славен > < щастливее > я славнее быть
Тамирою желаю

^в Рук.

Уже < полки мои > все воинство < в полях > со плеском
ожидает < ю > ет.

^г Рук.

Заисан

Превыше зависти восходит добродетель
И презирает ту спокойна с высоты!

Мамай

Услышав таково Нарсимова приятство,
Немедля брачной я союз ему открыл.
Он в радости сказал: «О коль любезно братство,
В котором промысл мне с Героем быть судил!
Благополучен Крым и щастлива Тамира,
Тобой возвышенны, прославленны тобой!
Но ты, подобяся дыханию зефира,
Поспешно в Крым пришел, Мумета успокой.
Скажи ему, коль мне с тобою быть полезно,
И будущей твоей Царице объяви,
Что мне толикое супружество любезно,
И о моей к тебе уверь ее любви.
Величество свое и неисчетны орды
Тамире покажи, со славой возвратясь,
И торжествуй, ступив врагам на выи горды,
Что будут ниц лежать, пред нею преклонясь»

Явление третье

Тамира, Клеона и прежние

Тамира

Ужель возлюбленный Нарсим к нам возвратился?
Дражайший мой отец!

Мумет

Ты видишь здесь его,

Пред коим север весь пространный преклонился:
Мамая почитай за сына моего.

Тамира ^й

О строги небеса!

Мамай

Ты видишь братня друга.

Которой хочет век к тебе одной гореть.

Мумет

Имеешь жениха, а скоро и супруга. ^к
В нем будешь отческим рачением иметь.

(К Мамаю)

Любовь и я даю тебе рожденну мною
С тобою царствовать и искренне любить.

Мамай

Вторым я нынь отцем рожден на свет тобою,
Когда ты предприял меня усыновить.

Мумет

(К Тамире)

Нарсима и меня люби ты в нем едином
И царствуй щастливо в обширной толь стране. ^л

^и Рук.

Тамира (испугавшись Мамаю)
О < гневны > строги небеса!

^к Рук.

< Ты видишь > Имеешь жениха, а скоро и супруга.

^л Рук. вместо стихов 741-742

Нарсима и меня < имей > люби ты в нем едином.
И царствуй щастливо в < обширных толь странах >
обширной толь стране.

Блистая на земли пресветлым Царским чином,
Ему послушна будь, как нынь послушна мне. ^м

Тамира

Ты волен, Государь! Законы и природа
Велят тебе иметь в Тамире полну власть.
Как спорить я могу, коль не дана свобода
По воле избирать пристойну в жизни часть?
Но естли смею я. . .

Мумет

Младые не радеют
О том, чрез чтобы им ко щастию дотти:
За тем родители рожденными владеют,
Дабы поставить их на истинном пути.
Любовью будешь звать, что нынь зовешь грозою.
И станешь строгости моей благодарить. ^н
Ты следуй в мой чертог, любезный брат, за мною.
Дабы мне скорой брак с тобой расположить.

Явление четвертое

Тамира, Мамай, Заисан и Клеона

Мамай

Несносной горестью смятенный, примечаю.
Что всеу таковым я пламенем горю!
Тамира, ненависть имеешь ты к Мамаю?

И смеешь согрубить великому Царю?

^м Рук.

< Ему послушна будь, как нынъ послушна мне.

Имей << от >> родительски предания в очах>.

Ему послушна будь, как нынъ послушна мне.

^н Рук.

И будешь строгости моей благодарить.

Однако принужду свои к спокойству мысли

И младости твою противность припишу.^о

Царевна, истинным своим блаженством числи,

Что сердце я свое тебе в дар приношу.

Цари с концов земных сродства со мной желают,

И каждая красоту приносит мне страна.^н

Коль многия по мне Царевны воздыхают!

Ты можешь получить желанья всех одна.

Ты можешь получить великаго Героя,

Которой мужеством вселенну удивил,

Превысил славою Чингиса и Хозроя¹⁷

И прадеда в себе, Батыя, воскресил.

Представь мой славной род и кто Мамаю деды.^р

От коих он тебе к супружеству рожден.

Россия не мои, но уж твои победы,

Когда я красотой твоей сам побежден.^с

Толиким Государь народам покоренным,

Не обинуюсь быть просителем твоим.

Я щастие свое почел бы несравненным,

Когдабы оно считала ты своим.

^о Рук. вместо стихов 761-162

Однако принужду < взволнованные > свои к спокойству мысли

И младости твое волнение припишу.

^н Рук.

Всяк ищет, чтоб была ево дочь мне жена.

^р Рук. вместо стихов 771-773

< И славою превзошел Батыя > Превысил славою Чингиса и Хозроя

И прадеда в себе < Чингиса > Батыя воскресил.

Представь мой < царской > славной род и кто Мамаю деды.

^с Рук.

Когда я красотой твоей сам побежден.

Тамира

Когда ты многие привел под власть народы,

То славы, Государь, толикой не теряй

И, слабый женский пол лишив драгой свободы,

Великих дел своих чрез то не помрачай.

Мамай^т

Тебя свободы я могу лишить, Тамира,

Котору возвести с собой на трон спешу,

Поставить госпожой мне подданнаго мира

И, будучи Царем, быть пленником ищущу?

Тамира

Среди довольствий всех, среди великой славы,
Сидя на Царского престола высоте,
Что пользы, естли в нас различны будут нравы?
Я все равно почту последней нищете!
Какая польза в том, что, рок свой проклиная,^у
Не браком буду брак, но пленом называть
И, на оковы толь несносные взирая,
Тебе последовать, а о ином вздыхать?^ф

Явление пятое

Мамай, Клеона, Заисан

Мамай (Клеоне)^х

Что слышу я еще! Любовница иному
Тамира может быть и мне притом жена?

^т Рук. реплика Мамаю (стихи 785-788) и реплика Тамиры (стихи 789-792) отсутствуют.

^у Рук.

Какая польза в том, что <брак свой> рок свой проклиная.

^ф Рук < Мамай >.

^х Рук. ремарка не в начале реплики Мамаю, а в конце стиха 800.

И кто, Мамаева не устроясь грому,
Дерзнул взглянуть на ту, что мне обручена?
Тебе все склонности и нрав ея известен,
Ты можешь ныне честь и милость заслужить.
Скажи, скажи, кто есть Тамире толь прелестен.
Кого бы мне она хотела предпочтитель?^ч
Когда открытием смущение прогонишь,
Дабы соперника узнать и отвратить,
Когда Тамирин дух ко мне в любовь преклонишь,
Какую мзду за то ты можешь получить!
Ты знаешь власть мою и отческую волю:
Старайся обязать великих двух Царей,
Я Царску честь тебе давать своим позволю
И матери равно тебя почту своей.

Клеона

Я знаю, Государь, коль власть твоя велика
И коль должна Царю послушна быть раба!
Но помощи подать не может мзда толика.
Когда имеет брань с любовию судьба.
Не может воинство с концев всея вселенны
Противу твоего стать гневнаго лица,
Но силой покорять пристойно крепки стены,
А нежны ласкою девически сердца.
Чем больше ты к любви Тамиру принуждаешь,

Тем больше будешь ей противен и постыл.

Заисан

Великому Царю толь дерсско отвечаешь?

⁴ Рук. вместо стихов 803-804

Скажи, скажи кто <толь> <был> есть Тамире <был> толь прелестен.
Кого бы мне она хотела предпочесть?

Мамай

О как напрасно я к ней щедр и ласков был!
Оковы, муки, глад и вечная темница
И смерть сама легка таку змею карать.

Клеона

Тамире былоб то уже живой гробница,
Селиму сердце дав, Мамаю присягать.

Явление шестое

Мамай и Заисан

Мамай

Селим! И кто?

Заисан

Селим! О щастлив недостойно!

О общая печаль! О страсти слепота!

Селим, что, не хотя в Багдате жить спокойно,⁴

Разбоем утеснял пред градом сим места.

Но, страхом сил твоих смятен, склонился к миру

И, в город сей вошед, Мумету предлагал,^{III}

Дабы он дал ему в супружество Тамиру;

Однако Царь на то ответ несклонной дал.

К Селимовой любви Царевна согласиться...

Мамай

И предпочесть меня разбойнику могла?

О горечь! О удар! О как мой дух стремится!

⁴ Рук.

<Селим, что жить не мог в земли своей покойн[о] >

Селим, что <жить не мог в земли своей >, не хотя в Багдате жить
спокойно.

^{III} Рук

И, в город сей вошед, Мамаю предлагал.

Не может больше быть на свете мне хула,

Как чтоб соперник мне Царевичь был Багдатской! ^{III}

Хотя дерзнул сего он суетно искать,
Ко может, возвратясь, сказать в стране Евфратской,
Что он того же мог, чего и я, желать.
Теряет цену всю, что ни было велико,
Как естли тое он надеется иметь;
Ему хвала, а мне презрение колико,^б
Что тем же пламенем со мною мог гореть!
Но ах, что мышлю я и что я здесь коснею?
Уже похитил он, что должно быть мое!
Любезный Заисан, спеши отмстить злодею;
Пойдем...

Заисан

Смягчи теперь волнение свое.^ы

Ты будешь, Государь, иметь свою невесту,
И примет за сие достойну казнь Селим,
Как воины твои к сему приспеют месту.
Он погубит себя желанием своим.
Муметова себе ответа ожидая,
Умедлит здесь, пока ты в силе будешь сам
Его пленить, от нас способства не желая,
Что ради мира нынь чинить не должно нам.^б

^ш Рук.

Как чтоб <мне соперником> соперник <был> мне Царевич был
Багдатской.

^б Рук.

Ему хвала, а мне презрение <велико> колико.

^ы Рук.

<Смири теперь волненье>
<Коль праведно презренье >

^б Рук.

Что <дать> ради мира нынь чинить недолжно нам.

Мамай

Поехавшие в след со мною разлучились⁹
И скорости моей сравниться не могли.
Надеюсь, в разныя дороги устремились
И ездят по степям, рассыпанны в дали.
И естли ускорят, не могут утомленны.
Покоя не имев, Селиму отомстить.
Но я, продерзостью такую огорченный,
Могуль минуту дать Селиму живу быть?
Сия рука моя, умывшись кровью мерской,
Воздаст весь долг моей озлобленной любви.
Погибнет пусть злодей и сопостат продерской.
А ты любовь свою и ревность мне яви:
Скажи, где он?

Заисан

Храни особу ты високу

И рук не простирай...

Мамай

Доколе мне страдать? ¹⁰

Спеши со мной отметить обиду толь жестоку.
Чтоб мерску кровь его Тамире показать!^а

⁹ Рук.

Поехавшие в след < раби мои остались > со мною разлучились.

¹⁰ Рук.

Доколе мне терпеть?

⁹ Рук.

Чтоб мерску кровь его Тамире скоро зреть!

Явление седьмое ^а

Тамира и Клеона

Клеона

Какою лютостью к Селиму он пылает!
Какой приходит к нам от слов тиранских слух!
Какой, драгая, жар в очах твоих блистает!
О, как колеблется озлобленный твой дух!
Мне сердце движется и говорит всечасно,
Что скоро лютая постигнет нас напасть!

Тамира

Теперь мне более ничто уж не ужасно:
Ни варварска гроза, ни отческа власть!

Клеона

Царевна, на кого ты можешь положиться?
Кто может свободить от сильных рук?

Тамира

Любовь!

Поди и посмотри, куда Мамай стремится?

(В след Клеоне)

На все напасти жизнь несчастную готовь.

Явление осьмое ^б

Тамира

(одна)

Беги отсель, беги, Тамира, и спасайся,
Пока тиранских ты не чувствуешь оков,

^а Рук. явление седьмое (стихи 877-888) отсутствует.

^б Рук. явление седьмое.

Беги насильных рук, на град не озирайся:
Селим принять тебя на корабли готов.
Он с берегу очей минуты не спускает,
И плователи все направились в путь; ^в
И небо искренней любви поспешает:
Уже нам и борей способной начал дуть.
В одном Селиме я надежду всю имею, ^г
Когда слезами я отца не умягчу.
Но в страхе трепещу, смущаюсь, цепенею! ^д
Ах! что, продерская, ах, что начать хочу?
Уйду, ^е отечество, родителя оставив,
И брата, и сей дом, и стыд свой позабыв,
И царской род во всей вселенной обесславив
И кровного родства ^ж законы преступив?
Но каждое место мне отечество с Селимом;
Селим мне будет брат, отец и все родство/
Оставить всех и быть в житьи неразделимом
С супругами велит закон и естество.
Супружеством назвать неистовство дерзаешь
И налагать страстям закона имена?
Несчастная, кому себя ты поручаешь? ^з
Или тебе в любви неверность нестрашна?
Представь себе, представь прельщенную Медею.

^в Рук.

И плователи все < готовы [одно слово нрзб] вдруг > направились
гренуть.

^г Рук.

В одном Селиме я < имею всю > надежду всю имею.

^д Рук.

< От страху > Но в страхе трепещу, смущаюсь, цепенею.

Мужайся [конец стиха нрзб].

^е Рук. первоначальное Пойду переправлено на Уйду.

^ж Рук. первоначальное сродство переправлено на родства.

^з Рук.

< Там > Несчастная, кому себя ты поручаешь?

Оставльшую отца и честь на сем берегу! ^и
Я место тож и страсть подобную имею:
Или я лутчия ждать верности могу?
Несноснее беды мне может быть защита,
Как естли мне Селим другую предпочтит.
И на чужой стране кем буду я покрыта?
Отцу и брату гнев и дальность возбранит.
От року бегая, на явной рок дерзаю.
Мне пагубой земля, вода грозит бедой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищныя ревут передо мной.
Тамира, в бедствие сугубо не вдавайся,
Блюдись сугубой ты неверности, блюдишь.
Однако укрепись, мой дух, и не смущайся,
На слово, данное Селимом, положишь.

Не тот в нем блещет дух, не та его порода,
С любовью кипит Геройская в нем кровь.
И коя устрасит при нем меня погода?
Не движется в волнах нелестная любовь.
Спешите, спешите от мест, Мамаем зараженных,
Спешите за Понт, за Тигр, за Нил, за Океан.^и
И как уж будешь ты в странах, толь удаленных.
И там покажется, что близко сей тиран!
О промысл! О судьба! Слезами умягчитесь!
О небо! О земля! О ветры! О моря!
На жалость, на тоску, на вопль мой преклонитесь.
Покройте от руки свирепаго Царя.
А вы, места, где мы любовь пленились,

^и Рук.

Оставившу отца и честь на сем берегу.

^и Рук. вместо стихов 933-934

Спешите, спешите от мест, Мамаем < оскверненных > зараженных,
<Дерзай> Спешите за Понт, за Тигр, за Нил, за Океан.

Затмитесь, чтоб отцу на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишились!
Прости, дражайшее отечество, прости!^к

Конец третьему действию

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

Надир и Заисан

Заисан

Какие, Государь, услышишь ныне вести!
О тяжкая беда! О вечна срамота!
Тамира, стыд забыв, своей не помня чести,
Бежать намерилась отсель в чужие места!
И, безрассудною любовью палима,
К Багдатским шла одна, закрыв себя, судам,
Надежду положив на льстиваго Селима,
Что был недавно враг отеческим стенам!

Надир

О жалость горестна! О лютое мученье!
О строгость отческа, к чему ты привела?

Заисан

По счастью я открыл такое дерзновенье:
Тамира во вратах уже градских была!
Я общей за стены пошел смотреть отрады,

^к Рук. вместо стихов 937-944

А вы, несчастный, покройте мраком стены,
Дабы родителю на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишены.
Прости дражайшее отечество, прости!

Ужель Селим полки поставил на суда;
И видя, что на них все войско и снаряды,
Я путь свой обратил с веселием сюда.
Увидел, что спешит там женский пол ко берегу,
Смотря во все страны сквозь тонкой свой покров.
Я, робкому дивясь и скорому толь бегу,
Навстречу прямо шол проведать, кто таков.
Как странник, на пути от зверя убегая,
Спешит чрез терние, чрез камни и бугры,
Но, вдруг увидев, что тут стремнина крутая
И должно в мрачну хлябь ¹⁸ стремглав упасть с горы,
Оцепенев стоит, противится размаху,
Трепещут члены все, мутится свет очей,
Меня увидев вдруг, Тамира так от страху
Смутилась, обмерла в продерзости своей.
Укрыться от меня во все страны металась;
Везде был заперт путь боязнью и стыдом.
Когда толикими волнами колебалась,
Я изумленную в отеческой ввел дом.
Что ныне мне начать? Как я Царю открою?
Дай в помощь, Государь, премудрой твой совет.

Надир

Внезапно не срази печалию такую,
Представь себе, как сим подвигнется Мумет!
Я лучше думаю сию скрыть вовсе тайну,
Дабы в спокойствии отцов оставить дух.

Заисан

Но я могу попасть в беду чрез тое крайну,
Когда, кроме меня, к Царю достигнет слух.
То видели раби и воины со мною
И могут все ему подробно донести.

Надир

Хотя смягчи удар приятностью какою;
Между веселых слов печаль сию вмести.

Явление второе

Надир
(один)

Несытая алчба имения и власти,
К какой ты крайности род смертных привела?
Которой ты в сердцах не возбудила страсти?

И коего на нас не устремила зла?
С тобою возрасли и зависть, и коварство;
Твое исчадие кровавая война!
Которое от ней не стонет государство?
Которая от ней не потряслась страна?
Где были созданы всходящи к небу храмы
И стены труд веков и многих тысяч пот,
Там видны лишь одне развалины и ямы,
При коих тучную имеет пасству скот.
О коль мучительна родителям разлука,
Когда дают детей, чтобы пролить их кровь!
О коль разительна и нестерпима мука,
Когда военный шум смущает двух любовь!
Лишь только зазвучит ужасна брань трубою,
Мянутся города и села, и леса,
Любовнического исполнены вою
И жалоб на удар жестокаго часа.
Что может быть сего несноснее во свете,
Когда двоих любовь и младость сопрягла,
Однако в самом дней младых прекрасном цвете
Густая жадности мрачит их пламень мгла;
Когда родители обманчивой корысти
На жертву отдают и совесть, и детей.
О небо, преклонись, вселенную очисти
От пагубы такой, от скверной язвы сей!
Коль дало красоту и младость человеку
И нежны искры в нем любовныя зажгло,
Чтоб в радости прожить дражайшую часть веку,
То долголь на земли сие попустишь зло?
На толь Тамире ты приятность влило в очи,
На толи нежную в нее вложило страсть,
Чтобы, подверженна Тиранской сильно мочи,
Оплакивала жизнь и горестную часть.

Явление третье

Надир и Клеона

Клеона

Тамира! Ах, печаль! Тамира дорогая
Поиманна, в слезах, отчаявшись, сидит!
Селима в жизнь свою увидеть уж не чая,
Лишь мыслями на него в отсутствии глядит
И имя сладкое едва с плачевным стоном
Дерзает в горести последней помянуть.
Озлобленна судьбы жестоким толь законом.
Руками томными терзает нежную грудь.
Бледнеет цвет лица, и все трепещут члены.
Холодной страх, тоска, отчаянье и стыд
Являются в ея очах изображенны.

Надир

Что сделал бы Селим, таков представив вид!

Клеона

Что сделал бы, когда увидел, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечет,
Которая, стремясь на небеса очами,
Потоки слезные, рыдая горько, льет?
Ах, сжался, Государь, не дай беде сей збыться.
Всю мысль свою к ея спасению вперю.

Надир

Не можно от сего Царевне свободиться:
Воюют против ней великие Цари.

Клеона

Так пойдет агница за волком в след, Тамира,
На кровь, на смерть людей, на трупы их смотреть
И, радости лишась в супружестве и мира,
Мученье внутрь себя тяжчайшее иметь?

Надир

Не знаю, что мое внутрь сердце предвещает
И смутному уму всечасно говорит:
Мамай Царя и всех злой хитростью прельщает,
И около нас сеть коварств его стоит.
Зачем один прибег? Зачем спешит он браком,
И что за ним не шлет известия Нарсим?
Сии окрестности считаю я признаком
Для нас, и для него, и для Тамиры злым.

Клеона

Для толь поспешнаго Мамаева прихода
Слух в городе прошел, что он совсем побит!

Надир

Всегда есть Божий глас глас целаго народа;
Устами онаго Всевышний говорит.
Но пусть Мамай над всей вселенной торжествует,
Однако щастлив быть не может брак такой,
Когда сама любовь против него враждует.
Совместноль варварству с толь нежной красотой?
Возможноль в сей тоске Тамире укрепиться
И сердца своего движенья утолить?

Клеона

На страсть ея смотря, и небо возгорится
И не умедлит зла толикаго отмстить.

Надир

Горами потрясет и воспалит пожары,
Или опустошит поветрием луга,
Или, от глубины возвысив волны яры,
Потопом скверные очистит берега.

Клеона

Народную молву приумножают знаки;
Везде уж говорят, что близ дверей беда!
Мне кажутся во сне ужасные призраки,
И вранов, как на труп, слетаются стада.

Надир

Хоть радостен Мумет, но войска не имеет;
Что будет, как Селим к стенам приступит вновь?
Погибнем, ежели не рассудя посмеет
Озlobить мечь в руке держащую любовь.
Мамая гордый дух чем больше возвышает,
Тем может рок его скорее поразить.
На пыщны ¹⁹ гор верьхи гром чаще ударяет.
Беги высот, когда безбедно хочеш жить.
Цветут спокойныя, не зная бурь, долины,
Где редко молнии возможно досягать.
Никто на свете так не обязал судьбины,
Ктоб завтрашне себе мог щастье обещать.
На лживость онаго никто не полагайся:
Что утром возрасло, то вечером падет.
Никто в нещастии спасенья не отчайся:
Что вечер низложил, то утро вознесет.
Неутолимый рок все колом обращает.
С Мамаем рушиться внезапно может Крым.
Когда кто с высоты великой упадает
И тех с собой влечет, что с низу шли за ним.
Но сим смущаются лишь только подлы души,
Которы, на морской волнами шумный путь
Смотря, колеблются с недвижимыя суши
И чают на берегу высоком потонуть.
Едина видит то с презорством добродетель;
Среди громов и бурь недвижимо стоит, -
Сама себе хвала, сама себе свидетель;
Хоть мир обрушится, бесстрашну поразит.

Явление четвертое

Селим и прежние

Селим

Любовникам долга единая минута!
Возможноть, Государь, Селиму ныне знать.
Ещель Тамира здесь?

Клеона

О скорбь!

Надир

О горесть люта!

Ах, что дерзнули вы, несчастные, начать!

Селим

Мужайся, скорбный дух, и стой против удара,
Который на меня свирепый рок занес.

Надир

Ах, естлиб гневаго отцова силу жара
Тамира утолить могла потоком слез!
Поимана в пути, для бегства предприятном,
Терзается...

Селим

Какой вступает в жилы хлад!

Когда не помогло ты в деле, мне начатом,
О небо! не косни, живаго свергни в ад!
Мамай любовию моею поругаться
И пламень мой презреть намерился Мумет?
Тамира не моя? Мне с нею не видаться?
И больше никакой уже надежды нет?
Я вижу, что Мумет меня еще не знает,
Еще в осаде он моих не сведал сил.
Мамаю дочь отдав, меня отвергнуть чает?
Надежду на песке он зыбком положил!
Забыл он, что, моим люблением спасенный,
Стоит сей град? И в нем того лишит меня,
Чем я надеялся в сей жизни одаренный
С ним в дружестве прожить, свой род соединя?
Забыл любовь мою и дружество с Нарсимом?
Забыл, что жизнь его была в моих руках?
Я свижусь, покажу, каков союз с Селимом
И что вражда его возможен в сих стенах!
Я снова на берегу противном мне поставлю
И обращу на град Евфратские полки,
От лютости такой любезную избавлю
И от Мамаевой мучительской руки.
Ударит женский стон здесь вместо песней брачных
И вместо праздничных огней пожар сих стен.
Мумет увидит смерть, бегущу в вихрях мрачных,
И кровию чертог Мамаев обагрена.

Надир

Я сам бы, уклонясь отеческаго града,
В пустой степи и жизнь, и скорьбь свою закрыл,
Не видя срамоты и мерзостнаго взгляда,

Я щастлив бы весьма в нещастии том был.
Однакож, Государь, вспомянув Нарсима
И зная, что сие отечество его,
Меча не возноси к опроверженью Крыма
И даннаго держись ты слова своего.

Селим

Не я, но сам Мумет стен будет разоритель:
Презрением своим на то мне право дал.
Нарсима в оных нет, но лютый в них мучитель;
Он купно бы со мной против него восстал.
Сугуба страсть меня на то вооружает,
То жалость горестна, то искрения любовь;
Одна во мне стремится, другая дух терзает,
Одна снедает грудь, друга волнует кровь;
Одна велит от зла невинную избавить.
Другая в век себе любезну получить;
Одна всеобщий долг естественный исправить.
Другая данную присягу сохранить.
Или безчувствен я таков кажусь Мумету,
Чтобы недвижно мог стоять, когда Мамай.
Похитив силою, что мне дороже свету,
Ликуя поведет из глаз в далекий край?
Возможноли стерпеть его советы мерзски!
О сердце, не мягчись, но разруши в конец;
Мумета низложи. Куда, Селим продерзский?
Подумай, что Мумет любезныя отец!
И свято место мне, Тамира где родилась,
Пусть в целости стоит, и пусть погибнет тот,
От коего моя надежда разрушилась.
Мамаю отниму Тамиру и живот.

Надир

Приятель, укроти в себе волненья гневны
И жизни не давай в опасность такову.

Клеона

В сугубой горести не погрузи Царевны.
От пагубы храни любезную главу.

Надир

Когда на сей ты град восстать не должен войском,
То должен ли один? Что хочешь?

Селим

Или торжествовать и в мужестве Геройском
Награду верности прекрасную иметь.
И правды, и любви непобедима сила
Против насилия со мной на брань пойдет.

Умереть!

Или моя рука, что Крымску кровь щадила,
Свою, но прежде той Мамаеву прольет.
И если мужество победой не прославит,
Любовь и честь велит: довольно, я умру!
Пуускай хоть тем меня от муки рок избавит,
В любовном жизнь моя погибнет пусть жару.
Я лутче с похвалой оставить ту желаю,
Как тяжек быть себе, и небу, и земли,
И смерти ждать, в посмех отдав себя Мамаю,
До старости не знать отрады николи.
Владеет наших дней Всевышний сам пределом,
Но славу каждому в свою он отдал власть.
Коль близко ходит рок при робном и при смелом,
То лутче мне избрать себе похвальну часть!
Какая польза тем, что в старости глубокой
И в тме бесславия кончают долгой век!
Добротами всходить на верьх хвалы высокой
И славно умереть родился человек.²⁰
Превыше смертнаго я жребия поставлю
Участие свое и славой вознесусь,
Когда Тамиру я от лютости избавлю,
Вменяя ни во что, умру или спасусь!
Пуускай отец ея свирепой постыдится,
Мою за дочь свою текущу видя кровь;
Узнает злость свою, но поздно научится,
Что может предпрять озлобленна любовь!

Надир

Какую принесешь ты в старости утеху
Родителям своим, когда услышат весть,
Что вместо в сей войне желаннаго успеху
Дерзнул, забыв о них, себя на рок привести!
Они во сретенье давно к тебе взирают,
И простирают мысль чрез горы и валы,
И в нетерпении минуты все считают,
Твоей насытиться желая похвалы.
Возобнови свои премудрые уставы,
Которым прежь сего себя ты покорял,
И вспомни прежние свои на сей час нравы,
Которых мерностью ты старых удивлял.

Селим

Любви велика власть всю крепость низлагает
И мной господствует. Уж я не тот Селим...

Клеона

Какую небо казнь с Мамаем насылает!

Явление пятое

Мамай, Заисан и прежние

Мамай

Совет имеете с соперником моим?

Селим

Или я с Крымом здесь подвластен стал Мамаю?
Или он мне иметь советы запретит?

Мамай

Теперь препятствия любви моей скончаю!

Селим

Теперь любовь моя насильствию отмстит!

Мамай

Весь север покорив, сего не одолею?
Забыв предрозостный противится Селим
Кто прадед мой и что я в области имею?

Селим

Кто родом хвалится, тот хвастает чужим.²¹
Но где твои полки? И где желаешь в море
Иль в поле окончать толику боем прю?

Мамай

Увидишь, дерзостный беглец, увидишь вскоре,
Какому ты дерзнул противу стать Царю.
Поди и возвести, где обитают мертвы
Прапрадеды мои, каков их в свете внук.

(Вынимает саблю)

Селим

(вынимая саблю)

Любовь Тамирина такой достойна жертвы,
Которой от моих она желает рук.

(Сражаются)

Заисан

(разнимая)

Великий Государь!

К л е о н а

Ах!

Надир

(разнимая)

Ах, Селим любезный!

В какую пагубу несет злой рок тебя!

Заисан

(к Мамаю)

Смягчи свой Царской гнев!

Клеона

(к Селиму)

Склонись на токи слезны!

Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

Конец четвертому действию

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление первое

Мумет, Надир, Тамира, Клеона, воины

Мумет

В какой я крайней стыд тобою погрузился!

До коего достиг при старости я зла!

На толь тебя родил, на толи я крушился,

Тамира, чтобы ты преслушна мне была?

За пришлецем бежать из отческаго дому

И кровности его дерзнула предпочесть!

Какая казнь равна такому делу злomu,

Какая быть сему довольна может месть?

Тамира

Когда родилась я в безщастную минуту,

Чтоб скорбь тебе принесть, то сжался, Государь!

Скончай свой гнев, скончай мою судьбину люту,

Мечем своим в мою повинну грудь ударь!
Мне гроб приятнее Мамаева чертога;
Употреби свою родительскую власть!

Мумет

Не я тебе, не я, сама себе ты строга,
Сама дерзнула ты в такую мерзость впасть.
Ты в сердце лютую сама змею питаешь,
Котора в кровь твою пускает смертный яд!
Мамая дерзостью бесстыдно озлобляешь,
Котораго один тебя достоин взгляд,
Которой к высоте толикия державы
Тебя и весь мой дом склонился вознести,
И в общество принять своей гремющей славы,
И сердце в дар тебе Геройско принести.
К последнему склонись отеческому слову,
Старайся склонностью продерзость наградить.
Но естли я тебя увижу не готову
С великим сим Царем в супружество вступить,
То зделаю пример и покажу вселенной,
Что я, хотя отец, однакоже и Царь.
Блюдись руки моей, упрямством раздраженной,
И будь готова стать с Мамаем пред олтарь.

(К Надиру)

Любезный брат, потщись прельщенную наставить
На истинну стезю, пока все учрежду.

(К Клеоне)

Тебя, преступница, кто может нынъ избавить
От казни, что тебе за злобу наведу?

(К воинам)

Возмите скверную и ввергните в темницу.

Клеона

Помилуй, Государь!

Тамира

Невинной не казни!

Надир

Ты щедрю обрати, о небо, к нам зеницу!

Тамира

Отческу любовь во гневе вспомяни.

Явление второе

Тамира и Надир

Надир

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна
И строгой перестань противиться судьбе;
Забудь, что лутчего ты щастия достойна,
Будь тем довольна, что она дает тебе.
Когда родитель твой любовен и разумен,
Тогда взаимно ты с почтением люби,
Когдаже он свиреп и к умягченью труден,
То, помня крови долг, сноси и не скорби!
Поверь мне, что Мамай, хотя теперь возвышен
А гордости своей не знает где предел,
Но скоро упадет, и звук лишь будет слышен,
С какой он высоты повержен в низ летел.
Чудовищу сему хоть небо попускает
Еще до времени род смертных разорять,
Но ныне чрез твою невинность воспылает
И ускорит твою и всех беду скончать.

Явление третье

Тамира, Надир и вестник

Вестник

Печальны, Государь, в сей час услышишь вести!

Тамира

Не дай, о Боже, мне отчаяться в конец!

Надир

И не нашли на нас превыше силы мести,
Но будь оставленным и в ярости отец!

Вестник

Во гневе из палат Мамай неуголимом
Лишь только вышел вон и обращал свой зрак,
С озлобленным тотчас увиделся Селимом,
И тут к сражению друг другу дали знак.
Взлетели на коней и, оных поощряя,
Скакали на поля одне из наших стен.
Я ехал им во след, где роща есть густая,
Среди которой луг широкой заключен.
Тут перьвой их удар...

Тамира

О как мой дух стеснился!

Вестник

Сверкнули острые и дали звук мечи;
Как туча мрачная, Мамай ярься смутился,
От глаз был блеск, как вал морской горит в ночи.
Надежда на лице Селимовом блистала,
И в мужестве была приятна красота;
Везде рука его Мамаю утесняла,
Мамай искал себе спасенья от щита.
Едва от скорых он ударов укрывался
И действовать мечем не успевал своим,
Уже и отступал, и к бегу порывался,
Но руку сильную занес в размах Селим,
Ударил по щиту, звук грянул меж горами,
Распался разом щит и конска голова.
Мамай повержен был внезапно под ногами,
И ближни потряслись падением древа.
Селим тут мог попруть копытами Мамаю,
Однако, спеш с коня к возставшему спешил.

Надир

Ах, дерзость!

Тамира

Ах, беда!

Вестник

На храбрость уповая,
К гибели своей великодушен был.
Как чайл, что врага имел уж он во власти,
Набегли не в значай Мамаевы Мурзы.
Он им вскричал: «Теперь спасите от напасти!»
Ударилась к нему...

Тамира

О щедры небеса, и мой живот скончайте!

О горькие часы!

Вестник

Мне свет из глаз отняв, погнала прочь боязнь!
Я слышал только там: «Рубите и терзайте»!
Один из Мурз вскричал: «Прими достойну казнь»!

Надир

Любезный мой Селим, уж ты лежишь бездушен,
И храбрость множеством твоя побеждена!
На толь ты столько был родителю послушен,
Чтоб кости приняла твои чужа страна?

Тамира

В отчаяньи своем уже я леденею,
Терзаньем утомясь любовнаго огня!
Отмсти ты, Государь, отмсти сему злодею,
За друга своего отмсти и за меня.

Надир

Пойду, не пощажу своей я хладной крови.
Отмщу или умру! Довольно и того,
Что вашей принести сподоблюся любви
На жертву живота остатки моего.

Явление четвертое

Тамира

(одна)

Какую может дать Надир уж мне отраду?
Селима больше нет! Мамай вокруг ополчен!
Иль сквернаго себе его ждать буду взгляду
И дам себя жива чудовищу во плен?
Одно спасенье мне не ожидать спасенья.
В покров природа смерть несчастливым дала.
Имея вольный путь, не избегу мученья?
Еще хочу я жить и не страшуся зла?
Уж сердце за стеной Селимово терзают.
Ах, лютой мой отец! Убийцы по путям.
О как и руки им твои не помогают!
Поди и насладись невинной кровью сам.
Насыть слезами грудь дочерними, родитель,
И пагубой моей, и роком веселись!
Но знай, что будешь слыть на свете ты мучитель:
Единым именем с Мамаем возгордись!
А ты, мой брат, когда стал ныне друг Мамаю,
То в жизни на тебя гнушаюсь я взглянуть;
Когдаж ты от него погиб, как верно чаю,
То в тот же за тобой спешить мне должно путь.
Итак, несчастная Тамира, умирая,
Родительских уже не будешь видеть слез.
Одна сомкнет глаза, со света убегая,
Оставлена от всех, презренна от небес!
И огорченный дух сойдет в места подземны,
Себя от тяжких сих оков разреша,
И устремится в след Селиму в хляби темны!
Повей ко мне, повей, любезная душа;
Соединись с моим последним здесь дыханьем
И будь, когда нам рок жить вкупе запретил,
Хотя по смерти мне соединен бежаньем
Со света, что с тобой одним мне мог быть мил.
Раскаешься уже, родитель мой, но позно!
Ах, позно будешь ты над мертвою рыдать,
Что принуждение твое могло мне грозно

Надежду и живот во младости отнять!
А ты почувствуешь, Мамай бесчеловечный,
Который отнял нынче две жизни у меня,
Почувствуешь ты казнь и страхи бесконечны,
Как наша пред тебя приступит тень, стена.
Селимов будет дух и мой тебе мечтаться
И лица бледныя, и кровь везде казать.
Из степи будешь в степь от страху укрываться,
Но места не найдешь, гдеб муки избежать,
Пока, не видя ты своим мученьям краю,
Погибнешь в горести, прокляв последний час.
Сего, о небеса, тиранну я желаю
И в жертву приношу последний с кровью глас!
Уже мне вечность вход к блаженству отверзает,
И смерть зовет меня к спокойствию от трудов!
Героев светлый лик Нарсима там встречает.
А ты, мой дух, к нему ещели не готов?
Ты к делу славному на что ослабеваешь?
Что должно потерять, то должно презирать.
Зачем, рука моя, конца не ускоряешь?
Мне легче смерть сама, как смерти ожидать.
Я смертью лишь могла, Селим, тебя лишиться,
Когдаб наш век продлить изволилось судьбе,
Но ныне не хочу и в смерти разлучиться:
Ты умер для меня я следую тебе!

(Хочет заколоться)

Явление пятое

Селим, Нарсим и Тамира

Селим

(схватив за руку и вырвав кинжал)

Я жив, дражайшая, я жив и торжествую!

Нарсим

Любезная сестра, твой здравствует Нарсим!

Тамира

(ослабевая)

Уже меж мертвыми я вижу тень драгую!

Селим

В каком отчаяньи!

Тамира

И дух Нарсимов с ним!

Селим

(к ослабевающей Тамире)

Тебя, дражайшая, Селим твой поздравляет,
Что враг наш погублен, уж больше не страшись.
Нас верность, и любовь, и щастье возвышает,
Великой радостью ты с нами ободришь.

Тамира

Возможноль быть тому? Селим! Нарсим! Я с вами!
Я с вами в жизнь еще увидеться могла?
Я вижу ясно, что рука твоя над нами,
О Боже мой, в беде и в горести была!
Но мне Мамаева еще ужасна сила!

Нарсим

Умывшись в Варварской рука моя крови
Вселенныя концы от страху свободила,
Мне мщенье воздала и вашей долг любви.

Явление последнее

Мумет, Надир, Заисан, Селим, Нарсим и Тамира

Мумет

Нарсим, ты здесь! Тебя я вижу, сын любезный?
Колику радость ты нечаянно принес!
Один ты иссушишь мои потоки слезны,
Что пролил мне удар разгневанных небес!
Мамаю не хотя Тамира быть супругой
Всего лишает нас, что нам он обещал
И что ты приобрел своей к нему услугой.

Нарсим

Я всю уж, Государь, печаль твою скончал
И, побежден, к тебе с победой возвращаюсь:
Димитрий одолел, и враг наш поражен.

Мумет

Внимая странну весть, в сомненьи ужасаюсь!

Нарсим

Коль чудно я для вас от пагубы спасен!
Спасен, сей град, тебя, Тамиру и Селима
Избавить от беды, Мамаю погубив.
Повержен сопостат и разоритель Крыма,
Что полк мой низложил; чуть я остался жив.

Мумет

О небо!

Заисан

Ах, удар!

Тамира

О промысл милосердый!

Надир

(к Заисану)

Не мнели в честь конец имеет наша пря?

Селим

Сама судьба есть щит любви нашей твердый.

Мумет

О льстивыя слова коварнаго Царя!
Скажи, любезный сын, скажи мне все подробно
И зделай всем моим смущениям конец.

Нарсим

Не слыхано еще на свете зло подобно,
Какое предприял Мамай, тиран и льстец.
Уже чрез пять часов горела брань сурова,²²
Сквозь пыль, сквозь пар едва давало солнце лучь.²³
В густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрелы падали дождевых гуще тучь.²⁴
Уж поле мертвыми наполнилось широко;
Непрядва, трупами спершись, едва текла.
Различный вид смертей там представляло око,
Различным образом поверженны тела.
Иной с размаху мечь занес на сопостата,
Но, прежде прободен, удара не скончал;
Иной, забыв врага, прельщался блеском злата,
Но мертвый на корысть желанную упал.
Иной, от сильного удара убегая,
Стремглав на низ слетел и стонет под конем.
Иной пронзен угас, противника пронзая,
Иной врага поверг и умер сам на нем.
Российские полки, отвсюду утесненны,²⁵
Казалось, что в плен дадутся иль падут.
Мамай, растерзанны противных видя члены,
Великой гордостью промолвил мне надут:
"Нарсим, Дмитрия во узах предомною,
Когда он жив еще, немедленно поставь;

Но ежели он мертв, с противничей главою
Поспешно возвратясь, мне радости прибавь".
Я, будучи его тобою отдан воле,
Немедля поскакал к Российскому полку
Димитрия искать в его стану и в поле;
По трупам перешол кровавую реку.
Со всех сторон меня внезапно окружили
Избранны воины Мамаевых полков
И тех, что круг меня вооруженны были,
Дерзнули сечь. Я тут узнал проклятой ков.
Узнал, что не вотще его я опасался
И к защищению себя вооружил.
Один из них ко мне уж прямо устремлялся
И стрелу на меня в свирепости пустил.
Она, против мой щит, увязла по середине.

Мумет

К какой ужасной я послал тебя беде!

Надир

Трепещет грудь моя!

Селим

Коль блиско был к кончине!

Нарсим

Внезапно шум восстал по воинству везде.
Как туча бурная, ударив от пучины,
Ужасной в воздухе раждает бегом свист,
Ревет и гонит мглу чрез горы и долины,
Возносит от земли до облак легкой лист,
Так сила Росская, поднявшись из засады,
С внезапным мужеством пустилась против нас;²⁶
Дождавшись таковой в беде своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой глас.
Во сретенье своим Россияне вскричали,
Великой воспылал в сердцах унывших жар.
Мамаевы полки, увидев, встрепетали,
И ужас к бегствию принудил всех Татар.
Убивцы от меня для страху удалились.
Я к верьху смутные возвел свои глаза.
Тогда над Росскими полками отворились
И ясный свет на них спустили небеса.²⁷
Ударил гром на нас, по оных поборая,
И подал знак, что Бог на помощь им идет!
Глазами я искал и не нашол Мамаю,
С бегущими и сам побег ему во след.
Внимая страшный стон, с холма я оглянулся;
Какую пагубу увидел наших сил!
Увидел купно всех поправных, ужаснулся!
Мамаю отомстить за все я зло спешил.